

УДК [811.112.2+811.111]: 81'362
DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.22

ЭКСПЛИКАЦИЯ ЦЕННОСТНОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА «МИЛОСЕРДИЕ» В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПЬЕСАХ XIX ВЕКА

© О. Н. Осадчая

*Московский городской педагогический университет
Институт иностранных языков
Россия, 105064 Москва, Малый Казенный пер., 5Б.*

Тел.: +7 (495) 607 16 02.

Email: info@mgpu.ru

Актуальность данного исследования состоит в том, что среди современных лингвистов отмечается научный интерес к изучению языковой экспликации лингвокультурных концептов, в частности концепта «милосердие», на материале нескольких языков. Научная новизна данной работы обусловлена тем обстоятельством, что в языкознании впервые в сопоставительном аспекте изучается ценностная представленность лингвокультурного концепта «милосердие» на материале реалистических пьес XIX в. в английском и русском языках. Цель статьи состоит в выяснении специфики ценностной репрезентации лингвокультурного концепта «милосердие» в английском и русском языках на текстах пьес XIX в. Достижение этой цели потребовало решения следующих задач: используя данные английских и русских фразеологических словарей, установить своеобразие представленности ценностного компонента лингвокультурного концепта «милосердие» в сопоставляемых языках; выявить и сопоставить состав паремий в количественном плане, способных своей семантикой отобразить ценностную представленность исследуемого концепта в английском и русском языках.

На базе метода сплошной выборки в статье выясняется и сравнивается состав тематических блоков паремий, репрезентирующих ценностный компонент исследуемого концепта на материале пьес XIX в. в английском и русском языках. Результаты исследования позволяют использовать их в курсах лекций и практических занятий по сравнительной фразеологии английского и русского языков, истории данных языков, в качестве дополнительного материала словарных статей двуязычных словарей.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт «милосердие»; русский язык; английский язык; паремия; ценностный компонент концепта; сопоставление и сравнение.

За основу в данной статье мы берем понимание концепта, предложенное В. И. Карасиком, который под ним подразумевает «ментальные образования, представляющие собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [4, с. 59], «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [4, с. 71], «фрагмент жизненного опыта человека» [4, с. 3], «переживаемая информация» [4, с. 128], «квант переживаемого знания» [4, с. 361].

Научный интерес языковедов к изучению лингвокультурных концептов выражен в немало количестве работ, представляющих такое направление сопоставительного языкознания, как сопоставительная лингвокультурология [1–3; 5–6; 9; 11–12; 15; 18]. Ценностный компонент лингвокультурного концепта эксплицируется, прежде всего, в виде паремий языка, которые способны выразить оценочность и актуальность отображения данного концепта в языковом сознании народа. Поэтому считаем необходимым подчеркнуть тот факт, что ценностный компонент концепта «милосердие» следует изучать на примере имеющихся пословиц, поговорок и афоризмов, способных оценить милосердие и проявить данную оценку.

Не вступая в противоречие с определениями паремий [8, с. 80; 10, с. 173; 21, с. 23], беря их за

основу, предлагаем все же расширить рамки паремий и включить туда афоризмы, которые также в основном используются в дидактических целях, отображают житейский и социально-исторический опыт носителей языка, но могут обладать определенным авторством.

Научный интерес представляет изучение ценностного компонента концепта «милосердие» в английском и русском языках посредством паремий, опираясь на словарные дефиниции и сопоставляя их с возможностью репрезентации этого компонента в английских и русских пьесах XIX в.

В нашей работе ценностная маркированность лингвокультурного концепта «милосердие» впервые исследуется в составе паремий английского и русского языков на материале пьес XIX в. Для установления репрезентации ценностного компонента изучаемого концепта в пьесах на английском языке XIX в. были проанализированы электронные варианты пьес таких всемирно известных английских драматургов, как Томаса Уильяма Робертсона, Джорджа Гордона Байрона, Бернарда Шоу, созданных во время перехода развития литературы от романтизма к реализму.

Как показал анализ примеров паремий, взятых из пьес XIX в., отмечается присутствие не всех установленных на материале фразеологических словарей тематических блоков паремий. В пьесах

имеют место паремии таких тематических блоков, как:

- **Божье милосердие.**
- **Милосердие как действие.**
- **Милосердие и чувства.**
- **Милосердие и общество.**

Разберем состав групп каждого из обозначенных блоков при их употреблении в английских пьесах этого временного периода.

Тематический блок **Божье милосердие** отображен в пьесах лишь паремиями одной тематической группы **Милосердие от Бога**. Обратимся к анализу примеров:

I am. Nor is there aught which shall impede me!
Heaven have mercy on thy soul.
Farewell! [16].

Let them be justified: and leave exposed
Their wavering relics, in the place of judgement,
To the full view of the assembled people! –
And **Heaven have mercy on their souls!**
Amen! [16].

Thy head shall be struck off; and **Heaven have mercy Upon my soul!** [16].

Хотелось бы отметить тот факт, что эта паремия является измененной формой словарной паремии *May God have mercy upon your soul*, которую Д. Г. Байрон использует несколько раз в тексте своей пьесы, делая ее своеобразным лейтмотивом своего произведения. Словарная паремия *May God have mercy upon your soul* имеет еще один вариант использования: *May God have mercy on your soul*. Данная паремия широко применяется в различных правовых источниках. Впервые использование данной паремии зафиксировано на судебных заседаниях Королевства Израиля, чтобы подчеркнуть силу Господа как вершителя закона во время суда. Она произносится судьями, выносящими смертный приговор преступникам, которых признали виновными в совершении преступления [17]. Хотелось бы подчеркнуть тот факт, что данный блок очень мал по своему объему и насчитывает одну единственную авторскую паремию.

Тематический блок **Милосердие как действие** представлен в английских пьесах XIX в. тремя тематическими группами:

- **Милосердие как прощение.**
- **Ответность милосердия.**
- **Милосердие и образ жизни.**

Тематическая группа **Милосердие как прощение** состоит из паремий, которые не используются в словарном виде, а лишь в измененном виде. При изменении автор пьесы берет часть паремии и в усеченном виде вводит ее в контекст собственных авторских рассуждений о милосердии как акте прощения, например:

Then if thou dost not all devote thyself
To penance, and with gift of all thy lands
To the Monastery –
Man. I understand thee, – well!
Abbot. **Expect no mercy;** I have warned thee [16].

В этом случае происходит усечение словарного варианта паремии *Rats and conquerors must expect no mercy in misfortune*. Подобное усечение связано с дополнительной конкретизацией ценностного представления концепта милосердие, когда милосердие оценивается как прощение только по отношению к добрым людям, ибо злые люди не только не достойны прощения, но и способны проявлять свое зло в дальнейшем по отношению к окружающему миру.

Гораздо чаще в текстах пьес встречаются случаи изменения лексического наполнения словарной паремии, например:

I come to save, and not destroy:
I would not pry into thy secret soul;
But if these things be sooth, **there still is time For penitence and pity:** reconcile thee

With the true church, and through the church to Heaven [16].

В пьесе происходит употребление словарной паремии *A wise man will make haste to forgive, because he knows the true value of time, and will not suffer it to pass away in unnecessary pain* (Samuel Johnson) без упоминания автора этого афоризма. Но важным остается использование смысла этой паремии для выделения важности проявления милосердия и жалости как прощения с течением времени, когда утихнет боль причиненных обид.

Тематическую группу **Ответность милосердия** в английских пьесах XIX века составляют паремии, которые воспроизводятся в измененном виде, опираясь на словарный вариант, например:

All who encounter me and mine, be sure,
The mercy they have shown, I show.
All! all! is this a time to talk of pity? [16].

Данная паремия базируется на словарном варианте *Who will not mercy unto others show, how can he mercy ever hope to have?* (Edmund Spenser) и употребляется в тексте пьесы для конкретизации ценности милосердия, которое человек получает в ответ на проявление собственного милосердия. В этом случае словарная оценка милосердия остается.

Отдельную тематическую группу **Милосердие и образ жизни** данного блока составляют паремии, нашедшие свое применение в данных текстах в виде авторских паремий.

I do not doubt the elder; but in Bertram
There is a hesitating softness, fatal
To enterprise like ours: I have seen that man
Weep like an infant o'er the misery
Of others, heedless of his own, though greater;
And in a recent quarrel I beheld him
Turn sick at sight of blood, although a villain's.
The truly brave are soft of heart and eyes,
And feel for what their duty bids them do.

I have known Bertram long; there doth not breathe

A soul more full of honour [16].

Словарный вариант данного изречения отсутствует. Мы наблюдаем, как об этом упоминалось выше, процесс зарождения, возможного появления новой паремии данной тематической группы, дающей такую конкретизацию милосердию, определяющему образ жизни человека, как присутствие в его характере мягкосердечия и доброты и в то же время смелости.

Тематический блок английских паремий **Милосердие и чувства** выражен в текстах пьес одной тематической группой **Милосердие как сердечность**. Тематическая группа **Милосердие как сердечность** в данных текстах проявляет себя в словарном виде. Например:

Haw. That argument doesn't apply; a man can be no more than a gentleman.

Geo. {sauntering tip stage to window}. "**Kind hearts are more than coronets and simple faith than Norman blood.**"

Haw. Now, George, if you're going to consider this question from a point of view of poetry, you're off to no man's land, where I won't follow you [19].

Haw. The papa is not nice, but "**Kind hearts are more than coronets, and simple faith than Norman blood.**" Poor George! I wonder what your mamma, the most noble the Marquise de St. Maur, would think of Papa Eccles [19].

But if ever you find the girl marry her. As to her station, "**Kind hearts are more than coronets, and simple faith than Norman blood.**"

Haw. Yaas. But a gentleman should hardly ally himself to a nobody [19].

В данном случае паремия является афоризмом из произведения «Леди Клара Вер-де-Вер», написанном поэтом А. Теннисоном во времена правления королевы Виктории. Считаем, что подобное явление в языке показывает путь возникновения и дальнейшего развития паремий, в данном случае афоризмов, которые становятся устойчивыми и входят в словарный фонд языка в дальнейшем.

Измененный вариант данной словарной паремии встречается в произведениях Б. Шоу, где автор меняет лишь первое слово, например:

WAITER. There is Norman blood in it, sir; and Norman blood is not a recommendation to a waiter.

McCOMAS. Well, well: "True hearts are more than coronets, and simple faith than Norman blood."

WAITER. That depends a good deal on one's station in life, sir [20].

Таким образом, Б. Шоу в большей степени склоняется к интерпретации выражения милосердия как сердечности, когда милосердным может быть верное сердце, в то время как Т. Робертсон предпочитает говорить о милосердии как сердечности в том случае, если у человека доброе сердце. Другие случаи отображения милосердия как сердечности и сочетания милосердия с другими чувствами в английских пьесах XIX в. не отмечены.

Тематический блок **Милосердие и общество** зафиксирован в английских пьесах XIX в. в виде одной тематической группы **Милосердие и преступление**. Данная группа включает одну авторскую паремию:

If there are so

Within these walls, thou art not of the number:

The truly brave are generous to the fallen! –

Is there no hope? [16].

В этой паремии выражено нетипичное для английской лингвокультуры проявление милосердия к падшим, преступившим закон людям, таким образом выделяя и увеличивая степень ценностной маркированности милосердия. Мы отмечаем процесс формирования, возможно, новой паремии данной тематической группы, способной внести некоторые изменения как в паремиологический фонд изучаемого языка, так и в языковую картину мира носителей языка в целом.

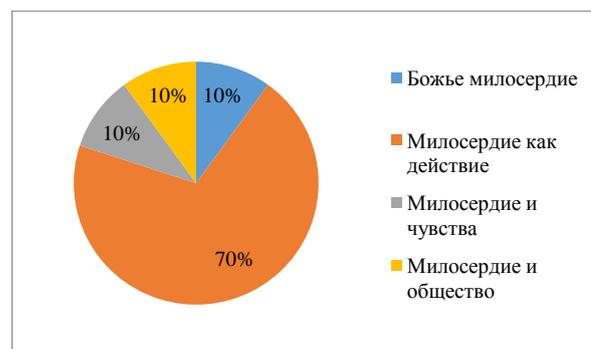
Таким образом, в реалистических пьесах XIX в. английские паремии выступают в виде четырех тематических блоков:

- **Божье милосердие.**
- **Милосердие как действие.**
- **Милосердие и чувства.**
- **Милосердие и общество.**

Считаем необходимым установить в количественном плане преимущество использования паремий того или иного блока в данных текстах. Полученные результаты оформлены *диаграммой 1*.

Диаграмма 1

Количественная представленность английских паремий, репрезентирующих ценностный компонент концепта «милосердие» в пьесах XIX в.

Как демонстрирует *диаграмма 1*, милосердие в английской лингвокультуре XIX в. оценивается исключительно положительно. Оно ассоциируется с проявлением милости Божьей, т.е. проявлением Божественного начала в человеке. Милосердие англичанами XIX в. соотносится с пониманием сердечности. В английской лингвокультуре милосердие расценивается в большей степени как действие человека, которое определяет его образ жизни, позволяет прощать других за проступки, даже в тех случаях, когда плохой совершает добрый человек. Милосердие влечет за собой в качестве послед-

ствия акт ответного милосердия по отношению к милостивому человеку.

Однако милосердие не воспринимается в английской лингвокультуре XIX в. как одна из добродетелей и не ожидается проявление милосердия со стороны общества по отношению к людям. Представители английской лингвокультуры того времени не дают подробную характеристику милосердию. Возможно, эта характеристика получит свое оформление в течение последующего времени. Кроме того, в английских пьесах отражается отсутствие противопоставления милосердию каких-либо проявлений зла. Названные моменты оформляются в английской лингвокультуре в последующие века и могут составить, безусловно, отдельную тему самостоятельного исследования, не входящую в состав задач данной работы.

Считаем необходимым рассмотреть представленность ценностной составляющей анализируемого концепта в русских реалистических пьесах XIX в.: А. Н. Островского, А. В. Сухово-Кобылина, А. К. Толстого. Анализ примеров показывает присутствие паремий лишь двух тематических блоков:

- **Божье милосердие.**
- **Милосердие как действие.**

Рассмотрим каждый блок подробно. В тематическом блоке **Божье милосердие** отмечается присутствие паремий следующих тематических групп:

- **Милосердие от Бога.**
- **Милосердие и подаяние.**

Тематическая группа **Милосердие от Бога** состоит из словарных и авторских паремий. К словарным паремиям были отнесены следующие случаи:

Подхалюзин. Что вы, что вы, тятенька? Полноте! **Бог милостив!** Что это вы? Поправим как-нибудь. Все в наших руках!

Большов. Денег надо, Лазарь, денег. Больше нечем поправить. Либо денег, либо в Сибирь [7].

Эта паремия выступает как словарная паремия и используется в тексте без изменения, подчеркивая ценность всеобъемлющего милосердия Бога по отношению к делам человека. Данная словарная паремия произошла от другой словарной паремии *Страшен сон, да милостив Бог*, обозначающей надежду на то, что все обойдется.

В русских пьесах XIX в. четко просматривается использование библеизмов, зафиксированных в словарях, но, правда, в усеченном, а порой и измененном виде:

Битяговский. Красно, товарищ, сказано!

Жаль только,

Что невпопад!

Когда ж и веселиться,

Коль не теперь?

Аль не слышали, братцы,

Какую *милость нам господь явил?*

Говор. Какую? Говори!

Какую милость? [14].

Словарный вариант библеизма звучит так:

Благословен Господь, что явил мне дивную милость.

В этом случае автор пьесы берет лишь части известного библеизма, формируя собственное высказывание, которое в данном контексте отображает надежду человека на проявление Божьего милосердия и уверенность человека в том, что милость Божья имела и будет иметь место, за что человек Богу благодарен.

В русских пьесах XIX в. отмечаем присутствие тематической группы **Милосердие и подаяние**, представленной следующими паремиями:

Иоанн Что делаешь ты, шут?

Шут *По нитке с миру*

Сбираю, царь,

Нагому на рубаху!

Иоанн Ха-ха! Вот это шут так шут!

Не бойся,

Нагим не станет по прозванью [14].

Третий чиновник. Прекрасно!.. Прекрасно и тепло!.. От общего сердца! (Та же игра).

Четвертый чиновник. *С миру по нитке – бедному рубашка.* (Та же игра – общее бегство.)

Варравин (припирает дверь и удерживает чиновников). Господа, что же вы?! Поймите. Вы не так! Нет, вы не так. (Поймавши Чибисова и Ибисова за руки, выводит их к авансцене с прочими чиновниками.) Господа, – послушайте меня, ведь мы одна семья – не так ли? (Встряхивая их за руки.) Мы одна семья? [13].

Контекст примеров показывает, что в речи персонажей пьес используется словарный вариант паремии *С миру по нитке – голому рубаха*. В текстах лишь меняется один компонент паремии: вместо *голово* используются синонимы *нагой*, *бедный*. Следовательно, тематический блок **Божье милосердие** представлен лишь двумя группами паремий, которые способны отображать в позитивном плане проявление Божьего милосердия как дара от Бога, с одной стороны, а с другой – как процесс подаяния, оказания помощи со стороны всех людей нуждающемуся человеку. Считаем необходимым рассмотреть в количественном плане частотность использования тематических групп этого блока паремий в русских пьесах XIX в.

В русских пьесах XIX в. ценностный компонент исследуемого концепта репрезентируют паремии тематического блока **Милосердие как действие**. Анализ примеров показывает наличие одной тематической группы:

- **Приглашение через милость.**

На ряду с этим отмечается факт появления новых тематических групп, незафиксированных во фразеологических словарях более позднего времени. К их разряду мы отнеси следующие группы:

- **Милосердие высказывания.**
- **Милосердие и просьба.**

Рассмотрим состав каждой группы подробно.

Паремии тематической группы **Приглашение через милость** могут быть представлены в виде паремий такого типа:

Милости просим.

Милости прощу.

Крилошанка (докладывает) Боярин князь Василий Иванович Шуйский!

Борис *Милости прощу.*

Шуйский входит.

С объезда ты заехал, князь Василий?

Что нового? [14].

Тематическую группу **Милосердие высказывания** составили примеры паремий такого вида:

Скажите на милость.

Борис оглядывается. Поди сюда. Манит рукой, Борис входит.

Что нам с Катериной-то делать? *Скажи на милость!*

Борис. А что?

Барвара. Беда ведь, да и только. Муж приехал, ты знаешь ли это? И не ждали его, а он приехал [7].

В контекстах паремии используются без изменения, как это зафиксировано во фразеологических словарях с примечанием, что подобные выражения находят свое применение в разговорной речи. Часто эти выражения выступают синонимами к слову *пожалуйста*.

Тематическую группу **Милосердие и просьба** в русских пьесах XIX в. представляют такие паремии, как:

Сделайте милость.

Лариса. Все-таки лучше, чем здесь. Я по крайней мере душой отдохну.

Огудалова. Да разве я тебя отговариваю? По-езжай, *сделай милость*, отдыхай душой! Только знай, что Заболотье не Италия. Это я обязана тебе сказать; а то, как ты разочаруешься, так меня же будешь винить, что я тебя не предупредила [7].

В текстах употребляется словарный вид паремий, выражающих усиленную просьбу.

В текстах русских пьес XIX в. констатируем употребление паремий тематического блока **Милосердие и общество** в виде тематической группы **Милосердие и суд**.

Большов. Что тут миловать-то! Свое добро, сам нажил. Кому хочу — тому и даю. Наливай еще!

Тишка наливает.

Да что тут разговаривать-то. *На милость суда нет*. Бери все, только нас со старухой корми да кредиторам заплати копеек по десяти.

Подхалюзин. Стоит ли, тятенька, об этом говорить-с. Нешто я не чувствую? Свои люди — сочтемся [7].

Данная паремия является словарной и означает то, что милость не подлежит осуждению. Хотелось бы отметить ту особенность, что другие тематические группы данного тематического блока мы не встретили, следовательно, соотношение мило-

сердия и общества в контексте XIX в. рассматривалось как соотношение присутствия милосердия со стороны судебных органов, действующих по справедливости, на что возлагалась надежда носителей русского языка.

Тематический блок **Милосердие и добродетели** репрезентирован тематической группой **Милосердие и справедливость**.

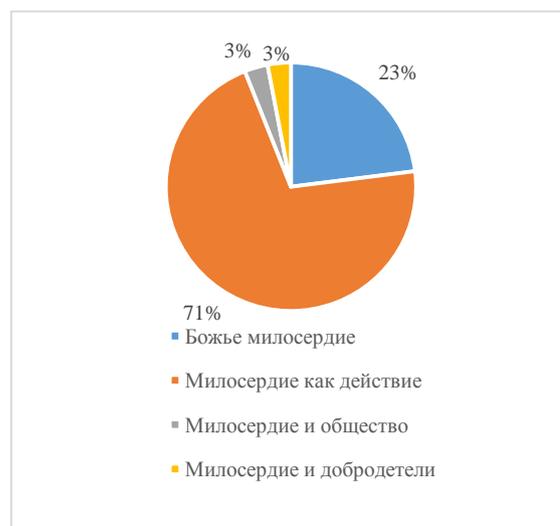
Зачем ты, судьба, держишь меня на цепи, как паршивую собаку? Зачем круг меня ставишь сласти да кушанья, а меня моришь голодом да холодом? Зачем под носом тащишь в чужой карман деньги, сытость, богатство? Проклята будь ты, судьба, в делах твоих! *Нет на свете справедливости, нет и сострадания: гнетет сильный слабого, объедает сытый голодного, обирает богатый бедного!* Взял бы тебя, постылый свет, да запалил бы с одного конца на другой, да, надевши мой мундиришко, прошелся бы по твоему пепелищу: вот, мол, тебе, чертов сын [13].

Контекст явно демонстрирует такое понимание милосердия и его ценность, как проявление милосердия наряду со справедливостью, когда оно проявляется в рамках разумных действий человека. Данная паремия, которая в начале была авторской у Сухова-Кобылина, в наши дни стала входить в состав словаря цитат и афоризмов.

Необходимо установить частотность использования тематических блоков паремий в русских пьесах XIX в. Полученные результаты показывает *диаграмма 2*.

Диаграмма 2

Количественная представленность русских паремий, вербализующих ценностный компонент концепта «милосердие» в пьесах XIX в.

Как показывает диаграмма, в русских пьесах XIX в. чаще встречаются паремии тематического блока **Милосердие как действие** (71%), реже паремии блока **Божье милосердие** (23%) и совсем редко паремии блоков **Милосердие и общество** (3%), **Милосердие и добродетели** (3%).

Итак, ценность милосердия, согласно примерам на материале русских пьес XIX в., проявляет себя в позитивной характеристике милосердия в действенном проявлении его по отношению к окружающим и как знак воспитанности человека. Милосердие рассматривается как Божий дар и стимул к подаянию. Носители русского языка этого времени ценят милосердие со стороны судебных органов и считают разумным соотнесение милосердия со справедливостью.

Компаративный анализ тематических блоков английских и русских паремий, отображающих ценностный компонент лингвокультурного концепта «милосердие» в пьесах XIX в., позволяет констатировать преимущество употребления паремий, представляющих тематический блок **Милосердие как действие** в английском и русском языках (70% и 71% соответственно). Следует отметить тот факт, что тематические группы, входящие в состав данного тематического блока, в сопоставляемых языках различны.

Проведенный анализ использования паремий, вербализующих ценностную составляющую исследуемого концепта в текстах драматургических произведений XIX в., позволяет сделать вывод о том, что милосердие воспринимается в английской и русской лингвокультурах, прежде всего, как деятельное начало в различных его проявлениях, свойственных определенному этносу.

Паремии, отображающие тематический блок **Божье милосердие**, были выявлены на материале пьес XIX в. как в английском, так и в русском языке с их явным преобладанием в русских пьесах, характеризуя при этом ценность изучаемого концепта как дара Божьего и подчеркивая его важность в отношениях с другими людьми, когда подаяние становится неотъемлемой частью проявления милосердия. Отсюда и двусоставность данного тематического блока в русском языке (**Милосердие от Бога и Милосердие и подаяние**), в отличие от одной тематической группы **Божье милосердие** в составе одноименного блока в английском языке. Что касается частотности употребления паремий, то следует отметить тот факт, что в русских пьесах XIX в. тематический блок **Божье милосердие** составляет 23%, а в английских пьесах 10%.

Тематический блок **Милосердие и общество** также нашел свое отражение в использовании английскими и русскими драматургами паремий, репрезентирующих исследуемый концепт (10% и 3% соответственно). В английских и русских пьесах присутствует только одна тематическая группа паремий, которая имеет в своей основе правовые взаимоотношения людей. Как показывает сопоставление паремий данного блока, милосердие актуализируется в т.ч. в общественных отношениях, преимущественно при регулировании правовых норм, закрепленных в сообществах.

Характерологическая особенность английского языка выступает в виде наличия такого темати-

ческого блока, как **Милосердие и чувства**, акцентируя проявление милосердия в качестве сердечного отношения к ближнему (10%). Специфической чертой русских паремий является присутствие тематического блока **Милосердие и добродетели**, а именно корреляции отношений милосердие – справедливость (3%), демонстрирующей ценность милосердия наряду со справедливостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева М. В. Немецкий язык через призму лингвистики креатива // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалистов: сб. науч. тр. Брест, Беларусь, 2019. С. 3–8.
2. Демьяненко А. П. От наук о духе – к наукам о культуре. М.: Гумбольдтовские чтения. Перспективы развития языкового образования в свете требований Болонских реформ межвузовский сборник научных трудов, 2007. С. 57–65.
3. Калитин И. С. Поле обоснования в немецком языке и грамматические средства его выражения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №7(61). Ч. 3. С. 96–100.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2004. 477 с.
5. Кравчук Ю. С. Лингвокультурологический концепт "realty"/«недвижимость» в английском и русской национальных языковых картинах мира :автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2018. 23 с.
6. Новикова И. Н. Научная дискуссия: Вопросы филологии, искусствознания и культурологии: сб. статей. М.: Интернаука, 2015. С. 129–132.
7. Островский А. Н. Пьесы. М.: АСТ, 2017. 416 с.
8. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. 236 с.
9. Попова Л. Г., Егорова В. О. О сущности и возможностях установления культурной памяти слов (сопоставительный аспект). М.: Филол. науки. Вопросы теории и практики, 2015. №9–1(51). С. 143–145.
10. Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д.: РГУ, 2002. 173 с.
11. Собянина В. А. Оценочность разговорной лексики терминологического происхождения // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. №1(3). С. 36–44.
12. Спесивцева В. С. Языковая картина мира как ключ к пониманию этимологии. Тамбов: Язык, культура, познание, коммуникация: коллект. монограф., 2015. С. 114–119.
13. Сухово-Кобылин А. В. Трилогия. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1955. 276 с.
14. Толстой А. К. Пьесы. М.: Искусство, 1959. 580 с.
15. Шаталова А. В. Морфологические средства выражения категории компаративности в английском и немецком языках (на примере публицистических текстов) // Результаты соврем. научных исслед-ий и разработок: сб. ст. V Междунар. научно-практ. конф. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 227–233.
16. Byron G. G. Lord Byron: Six Plays. Arkansas: Black Box Press, 2007. 512 p.
17. Darrow C. Closing Arguments: Clarence Darrow on Religion, Law, and Society. Ohio: Ohio University Press, 2005. P. 156.
18. Novikova I. N., Popova L. G., Shatilova L. M., Biryukova E. V., Guseva A. E., Khukhuni G. T. Lexical and semantic representation of the linguistic and cultural concept "rest" in the English, German and Russian languages. Opcion. 2018. T. 34. №85-2. С. 237–256.
19. Robertson T. W.: Six Plays. Los Angeles: Humanities Press, 1981. 324 p.
20. Shaw G. B. Plays. URL: https://ebooks.adelaide.edu.au/shaw/george_bernard (дата обращения: 23.03.2019).
21. Taylor A. The Proverb and an index to the Proverb. Copenhagen: Peter Lang, 1962. 328 p.

Поступила в редакцию 24.04.2020 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.22

**EXPLICATION OF THE VALUE COMPONENT
OF THE CONCEPT “MERCY” IN ENGLISH
AND RUSSIAN PLAYS OF THE 19th CENTURY**

© O. N. Osadchaya

*Moscow City Teacher Training University, Institute of Foreign Languages
5B Malyi Kazennyi Lane, 105064 Moscow, Russia.*

Phone: +7 (495) 607 16 02.

Email: info@mgpu.ru

The relevance of this study is conditioned by the fact that among modern linguists there is a scientific interest in studying the explication of linguocultural concepts, in particular the concept “mercy”, on the material of several languages. The scientific novelty of this work consists in the fact that the value representation of the linguocultural concept “mercy” is studied in comparative aspect on the basis of realistic plays of the 19th century in the English and Russian languages for the first time in linguistics. The purpose of the article is to elucidate the specifics of the value representation of the linguocultural concept “mercy” in the English and Russian languages in the texts of plays of the 19th century. Achieving this goal required the following tasks: a) using the data of English and Russian phraseological dictionaries, establish the uniqueness of the representation of the value component of the linguocultural concept “mercy” in compared languages; b) identify and compare in quantitative terms the composition of paremias capable to reflect by their semantics the value representation of the studied concept in the English and Russian languages. On the basis of the continuous sampling method, the author of the article clarifies and compares the composition of the thematic blocks of paremias representing the value component of the concept in question on the basis of plays of the 19th century in the English and Russian languages. The results of the study can be used in lecture courses and practical classes on comparative phraseology of the English and Russian languages, the history of these languages, as additional material for dictionary entries in bilingual dictionaries.

Keywords: linguistic and cultural concept “mercy”, Russian language, English language, paremia, value component of concept, comparison.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Belyaeva M. V. Lingvokul'turnoe obrazovanie v sisteme vuzovskoi podgotovki spetsialistov: sb. nauch. tr. Brest, Belarus', 2019. Pp. 3–8.
2. Dem'yanenko A. P. Ot nauk o dukhe – k naukam o kul'ture. Moscow: Humboldtovskie chteniya. Perspektivy razvitiya yazykovogo obrazovaniya v svete trebovaniy Bolonskikh reform mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, 2007. Pp. 57–65.
3. Kalyatin I. S. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. No. 7(61). Pt. 3. Pp. 96–100.
4. Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2004.
5. Kravchuk Yu. S. Lingvokul'turologicheskii kontsept "realty"/«nedvizhimost'» v angliiskoi i russkoi natsional'nykh yazykovykh kartinakh mira :avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Moscow, 2018.
6. Novikova I. N. Nauchnaya diskussiya: Voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii: sb. statei [Scientific discussion: questions of philology, art history and culturology: collection of articles]. Moscow: Internauka, 2015. Pp. 129–132.
7. Ostrovskii A. N. P'esy [Plays]. Moscow: AST, 2017.
8. Permyakov G. L. Osnovy strukturnoi paremiologii [Basics of structural paremiology]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1988.
9. Popova L. G., Egorova V. O. O sushchnosti i vozmozhnostyakh ustanovleniya kul'turnoi pamyati slov (sopostavitel'nyi aspekt). Moscow: Filol. nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2015. No. 9–1(51). Pp. 143–145.
10. Savenkova L. B. Russkaya paremiologiya: semanticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian paremiology: semantic and linguoculturological aspects]. Rostov n/D.: RGU, 2002.
11. Sobyagina V. A. Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie». 2009. No. 1(3). Pp. 36–44.
12. Spesivtseva V. S. Yazykovaya kartina mira kak klyuch k ponimaniyu etimologii [Linguistic picture of the world as a key to understanding etymology]. Tambov: Yazyk, kul'tura, poznanie, kommunikatsiya: kollekt. monograf., 2015. Pp. 114–119.

13. Sukhovo-Kobylin A. V. Trilogiya [Trilogy]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit-ry, 1955.
14. Tolstoi A. K. P'esy [Plays]. Moscow: Iskusstvo, 1959.
15. Shatalova A. V. Rezul'taty sovrem. nauchnykh issled-ii i razrabotok: sb. st. V Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Penza: MTsNS «Nauka i Prosveshchenie», 2018. Pp. 227–233.
16. Byron G. G. Lord Byron: Six Plays. Arkansas: Black Box Press, 2007.
17. Darrow C. Closing Arguments: Clarence Darrow on Religion, Law, and Society. Ohio: Ohio University Press, 2005. Pp. 156.
18. Novikova I. N., Popova L. G., Shatilova L. M., Biryuko-va E. V., Guseva A. E., Khukhuni G. T. Lexical and semantic representation of the linguistic and cultural concept “rest” in the English, German and Russian languages. Opcion. 2018. Vol. 34. No. 85-2. Pp. 237–256.
19. Robertson T. W.: Six Plays. Los Angeles: Humanities Press, 1981.
20. Shaw G. B. Plays. URL: https://ebooks.adelaide.edu.au/s/shaw/george_bernard (dataobrabashcheniya: 23.03.2019).
21. Taylor A. The Proverb and an index to the Proverb. Copenhagen: Peter Lang, 1962.

Received 24.04.2020.